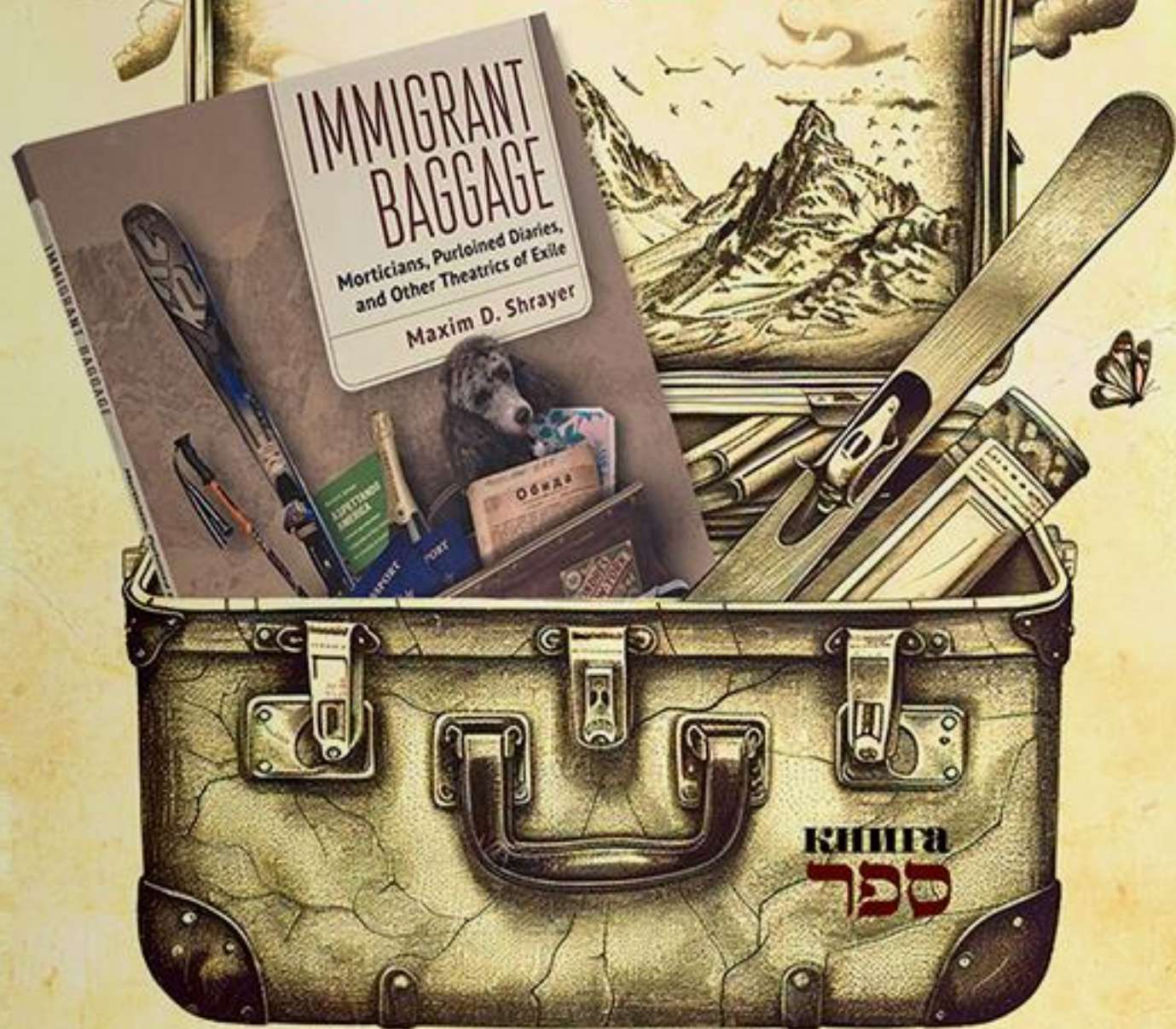

МАКСИМ Д. ШРАЕР

БАГАЖ ИММИГРАНТА

КНИГА
ספר

Мемуарные рассказы

Максим Д. Шраер

БАГАЖ ИММИГРАНТА

Мелуарные рассказы

книга
ספר

Израиль
2024

“Дома нет места свободной русской речи, она может раздаваться инде, если только ее время пришло.

Открытая, вольная речь — великое дело; без вольной речи — нет вольного человека. Недаром за нее люди дают жизнь, оставляют отечество, бросают достояние.

Открытое слово — торжественное признание, переход в действие.

Время печатать по-русски вне России, кажется нам, пришло”.

*Искандер (Александр Герцен)
Лондон, 21 февраля 1853.*

Максим Шраер "Багаж иммигранта" книга короткой прозы.

Максим Шраер, профессор Бостонского колледжа (Boston College), автор бестселлера «Бунин и Набоков» и мемуарных романов «В ожидании Америки» и «Бегство». В автобиографической книге «Багаж иммигранта», Максим Д. Шраер рассказывает о том, что остается от материального и нематериального багажа иммиграции после многих десятилетий жизни вне России.

Читателей привлекает лиризм автора, тонкий юмор и глубокое понимание автором экзистенциальных и культурных дилемм в жизни иммигрантов и репатриантов.

В тяжелую минуту на помощь герою, приходит любовь родных и близких, дух нонконформизма и сила смеха.

«Максим Д. Шраер пишет как вновь обретенный двоюродный брат Набокова. Остроумный, элегантный и грациозный рассказчик, Шраер приготовил для нас целый банкет эмигрантских радостей и печалей...»

Дэйвид Микиш, автор книги Stanley Kubrick: American Filmmaker

«Яркие рассказы, вошедшие в книгу Максима Д. Шраера, переполнены страстной любовью к литературе... Прошлое не просто присутствует, но оживает в этой незабываемой мемуарной прозе».

Элизабет Полинер, автор книги As Close to Us as Breathing

Параллельный вариант этой книги был опубликован на английском языке: Maxim D. Shroyer. *Immigrant Baggage: Morticians, Purloined Diaries, and Other Theatrics of Exile* (Boston: Cherry Orchard Books, 2023).

Издание подготовлено при поддержке Бостонского Колледжа (США).

Все переводы цитат, если это не оговаривается отдельно, выполнены автором. Все фотографии сделаны фотоаппаратом или айфоном автора. Некоторые имена, названия и временные рамки изменены.

Автор приносит благодарность Борису Ланину, Виталию Кабакову и Алле Борисовой-Линецкой за помощь в подготовке текста.

ШРАЕР, Максим Д. Багаж иммигранта. Мемуарные рассказы. Израиль, 2024.

Проект “Вольное книгопечатание”

Издательство “Книга Сефер”, Израиль, 2024

<https://www.knigasefer.com/volnoe-knigopечатanie>

knigasefer2002@gmail.com

(972) 502423452

Издатель Виталий Кабаков

Редактор проекта Алла Борисова-Линецкая

Корректор Юлия Дозорец

Макет серии Андрея Бондаренко

Верстка и оформление Юлии Дозорец

ISBN 978-965-7848-15-9

© Максим Д. Шраер, текст, фото, 2024

© Книга Сефер, издание, 2024

Copyright © 2024 by Maxim D. Shrayer, text and photos. All rights reserved.

С о д е р ж а н и е

Предисловие	
Радости трансъязычия	8
Глава I	
Ребро Эдема	24
Глава 2	
Романс с гробовщиком.....	50
Глава 3	
В сачке композитора N.	68
Глава 4	
Только один день в Венеции	115
Глава 5	
Елецкая женская гимназия.....	126
Глава 6	
Возвращение Кафки	180
Об авторе.....	195

Предисловие

Радости трансъязычия

Я закончил первый вариант этой книги за три недели до начала войны в Украине. Вторжение России в Украину провело разделительную черту между моим прошлым и будущим – уже во второй раз со времени эмиграции/иммиграции. Редактируя текст этой книги весной 2022 года, я неотрывно думал о попытке путинского режима убить Украину, где до начала Первой мировой войны родились оба моих деда и моя бабушка по материнской линии. И о развязанной Россией неокOLONиальной войне за возвращение советского прошлого – того самого прошлого, от которого мы с родителями бежали в 1987 году.

После перерыва, я вернулся к этой книге через три месяца после нападения ХАМАСа на Израиль 7 октября 2023 года и начала самой кровопролитной войны в истории Израиля. Родные сестры и братья

моих дедов и бабушек, приехавшие в подмандатную Палестину в ранние 1920-е годы и ставшие халуцами, строили Израиль, который я считаю своей родной страной. Если происходящее в Украине для меня лично – это прежде всего унаследованная травма, то происходящее в Израиле я ощущаю не столько памятью и умом, сколько всем сердцем, всем своим еврейским существом.

Корнями истории, происхождения и диаспорного существования я ухожу одновременно в три культуры – русскую, еврейскую и американскую. Но писательская жизнь питается не только корнями. Писательская жизнь – это еще и левитация в пространстве и времени, и постоянная зависимость от фактуры, запаха, вкуса слов. Война в Украине, а потом и война в Израиле в который раз напомнили о том, что литераторы – не только продукты своего происхождения, но и творцы своей идентичности.

Я впервые задумался о том, как взаимодействуют происхождение сочинителя и язык литера-

турного самовыражения летом 1987 года, когда двадцатилетним юношей оказался на Западе. Берег Тирренского моря, черный песок замызганного городского пляжа в итальянском городке Ладисполи на время стал моей читальней и творческой мастерской. Мы с родителями незадолго до этого уехали из Москвы после восьми с половиной лет в преисподней отказа. И теперь нас ждало итальянское лето в ожидании беженских виз в Америку. Вместе с нами границу бывшего Восточного блока, а потом и альпийские перевалы, пересекли четыре чемодана, в одном из которых путешествовали книги и потрепанные фамильные альбомы, а также две пишущие машинки, — отцовская Olympia и моя Unis. Не многое сохранилось из материального багажа советского прошлого...

Это было не только лето транзита, но и время больших и малых открытий. В Италии, томясь ожиданием Америки, я вчитывался в русские книги изгнанников, которые прежде стояли перед выбором литературного языка — порой мучительным, порой

спасительным. В первых строках моего списка чтения был Владимир Набоков, великий русско-американский писатель, автор «Лолиты» и «Пнина», который предпринял гениальную попытку перевоплотиться из В. Сирина в писателя по имени Vladimir Nabokov после того, как беженцем приплыл к берегам Америки в 1940-м году, спасая еврейку-жену и еврея-сына от гибели. Я читал романы и рассказы Марка Алданова, который хоть и писал только по-русски, но активно публиковался по-английски; до взрывного появления «Лолиты» на литературном рынке, Алданов был самым успешным из живущих в США русскоязычных писателей. Вместе со мной в нагрудном кармане на Запад приехала записная книжка в переплете из тисненой кожи, в которую перед отъездом я переписал две трети того, что стало моей первой книгой стихов, вышедшей в Нью-Йорке в 1990-м году. «Смогу ли я когда-нибудь сочинять на другом языке? — думал я в то лето. — Какой же окажется цена потери: отказа от того, что я тогда считал своим русским голосом?»

Четыре месяца спустя, ноябрьским полуднем моей первой американской осени (которая казалась бархатным сезоном после московской), я пересек кампус Брауновского университета, вошел в кирпичный особняк английской кафедры и постучался в кабинет Джона («Джека») Хоукса. Автор «Художника страсти», Хоукс был легендарным американским постмодернистом и самым знаменитым из писателей, которые преподавали в Брауне. И в следующем году он уходил в отставку. Я был новоиспеченным иммигрантом, изучал сравнительное литературоведение и мастерство перевода и безумно хотел поступить к Хоуксу в последний семинар по фикшн. Все двенадцать мест были заняты урожденными американцами, абсолютно убежденными в том, что станут новыми Фолкнерами или новыми Гертрудами Стайн.

У Хоукса были: серебряная шевелюра, убегающие глаза, мятый подбородок. Остроумный Хоукс выслушал мой сбивчивый рассказ о бегстве из

СССР, о сочинении стихов и прозы *in Russian* и об иммиграции в Америку. Он пожевал выпяченными, будто обожженными губами, потом спросил меня:

— Вы читали Набокова?

Хоукс произносил второе «о» в фамилии Набокова с особой степенью округлости и полноты, будто лаская русскую гласную.

— Набокова? — переспросил я, не веря услышанному. — Конечно, конечно читал.

— Он великолепен, — сказал Хоукс. — Я впервые прочитал его в 1945 году. В Сан-Марино.

Речь шла о первом англоязычном романе Набокова «Настоящая жизнь Себастьяна Найта».

— Моя бабушка потерялась в Сан-Марино прошлым летом, — к слову заметил я. — Она потом выступила в местной программе экстренного оповещения граждан.

Хоукс взглянул на меня с недоумением. В 1965 году его роман «Вторая кожа» соревновался с «Защитой Лужина» Набокова и «Короткой пятницей» Башевиса Зингера в финале Национальной книжной

премии США. Премию получил роман Соула Беллоу «Герцог».

Хоукс был совершенно равнодушен к вопросам советской политики, глух к тревоблениям еврейских иммигрантов. Но он принял меня тринадцатым в свой семинар и даже пытался устроить мое литературное будущее. Он считал, что мне следует обратиться к сочинению сюрных, патологических повестей из жизни деревенской России. Трансъязычный новичок среди будущих (и несостоявшихся) американских литераторов, весной 1988 года я впервые попробовал сочинять англоязычную прозу. Я навсегда сохранил благодарность Джеку Хоуксу, которого тогда разочаровал своим страстным желанием сочинять рассказы о тоталитарной политике.

С тех пор прошло тридцать семь лет. Я живу в Бостоне гораздо дольше, чем когда-то прожил в Москве. Много раз за эти годы я задавал себе вопрос — то радуясь, то сомневаясь — что же происходит, когда мы пишем трансъязычно? Я уже давно

осознал, что трансязычие означает гораздо большее, чем просто работа на двух языках — будь то одновременно или разновременно. Еще не так давно трансязычные литераторы были совершенно одиноки, бездомны, «беспаспортны». Вспомните об одиночестве Рахели (Блувштейн), быть может, первой новоивритской поэтессе, которая родилась в Саратове в 1890-м и умерла в Тель-Авиве в 1931 году, оставив читателям два сборника стихов на иврите и тетрадь неопубликованных русских стихов. Задумайтесь о судьбе Пауля Целана, многоязычного еврея из Северной Буковины, который потерял семью в Шоа, после войны писал невероятные по своей новизне и силе стихи на немецком языке с особым акцентом, жил и преподавал в Париже, а в 1970 году ушел из жизни, бросившись в Сену. И наконец, обратитесь к истории Сэмюэля Беккета, не такой несчастливой, но все же одинокой; этот великий ирландец прожил большую часть своей жизни во Франции и сам перевел свои вещи с французского на английский. Неужели трансязычный писатель,

который обретает литературный дом, больше не ведет транзитный образ жизни, не пишет в трансе?

Быть может, литературное трансъязычие означает, выражаясь словами строго одноязычного американского поэта Роберта Фроста, жизнь «посредине и между», — одновременно здесь и в ином измерении культуры? А если это так, то что же происходит, когда мы обретаем литературное сообщество подобных себе трансъязычных? Что меняется, когда мы начинаем ощущать себя — и восприниматься другими — частью тренда, литературного движения, школы?

Обратимся к истории, которую я наблюдаю уже много лет и порой считаю историей своей судьбы. Речь пойдет о выходцах из СССР — бывших «русских» — которые пишут на английском языке. Когда российский дипломат Павел Свинин (Paul Svinine) жил в Филадельфии в 1810-е годы и печатался на английском языке, его тогдашний опыт был совершенно уникальным. Когда иммигрант из России, идишский и русскоязычный писатель Аврам Каган,

легендарный редактор нью-йоркского «Форвертса», начинал писать художественную прозу на английском языке в 1900-е годы, у него тоже было мало собеседников. И даже у бывшего петербуржца Владимира Набокова было мало настоящих русско-американских трансъязычных коллег, когда он приехал в Америку.

В 1970-е и 1980-е значительное число литераторов приехало в США и Канаду из СССР на волне большой еврейской эмиграции. Эти новые русско-американские (и русско-канадские) авторы — среди которых самым знаменитым стал Иосиф Бродский — писали на английском языке, стараясь сохранять русскую стилистику, и эта манера нередко стесняла их, душила, а порой заставляла переправляться вброд через Гудзон и реку Святого Лаврентия. Не всем удавалась переправа. На обретение литературных корней в Новом Свете ушла четверть века. И еще больше времени понадобилось советским иммигрантам на то, чтобы образовать сообщество трансъязычных русских американцев и канадцев.

Некоторые из теперешних сорокалетних – шестидесятилетних трансязычных литераторов уехали из бывшего СССР детьми или подростками. У них – у нас – есть литературные двоюродные деды и бабки по обе стороны Атлантики. Представители так называемой новой волны американских и канадских трансязычных литераторов пишут по-английски, обращаясь к опыту таких еврейско-русских гениев, как Исаак Бабель или Илья Ильф и Евгений Петров. Но при этом среди представителей русско-американской «свекольной волны» (beet generation) есть те, кто считает своими литературными предками Бернарда Маламуда, Филиппа Рота, Мордехая Рихлера. Сегодня у нас есть трансязычные литературные возлюбленные и партнеры, редакторы и издатели, друзья и соперники, соседи и сослуживцы. Разделяемое представление о культурной генеалогии и тематическом единстве делает круг сегодняшних англоязычных литераторов из бывшего СССР не только русским семейным бизнесом, но и еврей-

ским общинным хозяйством. Только время покажет, неизбежна ли потеря нами всеми русско-американских и русско-канадских голосов, окрашенных еврейскими тональностями.

За годы жизни вне — без — России у меня были периоды, когда я писал литературные тексты только на русском языке, стихи по-русски и прозу по-английски, стихи и прозу только на английском языке. В последний год правления Трампа я от отчаяния стал сочинять по-английски стихи, сначала сатирические, а потом, в первую зиму и весну ковидной пандемии — лирические. Я называл их *Songs of a Russian Immigrant* («Песни русского иммигранта»), и осенью 2020 года они вышли отдельной книгой. И почти непрерывно со времени эмиграции/иммиграции я занимался той или иной формой самоперевода. Самоперевод за эти годы эволюционировал из попыток вдохнуть новую англоязычную жизнь в старые тексты путем русскоязычного переосмысления моей англоязычной прозы в сторону параллельного сочинения на английском и на русском.

Именно такое «параллельное письмо» в настоящий момент меня особенно занимает.

«На каком языке вы думаете?» – мне нередко задают этот вопрос во время выступлений и литературных мероприятий. На русском? На английском? На двух языках сразу? Я стараюсь честно отвечать, что на самом деле это мало влияет на результаты. Мне не всегда верят на слово. Тогда приходится призывать в свидетели мои русскоязычные и англоязычные книги и запомнившиеся мне сны.

За эти годы мне приходилось видеть сны, в которых я читал по-французски лекции на культурологические темы. Когда я просыпаюсь, мое владение французским оказывается ограниченным. Весной 1993 года, когда я жил в Праге и собирал там материалы по истории русской эмиграции первой волны, мне случилось во сне оказаться участником споров о политике, в которых моими оппонентами становились бывшие чешские диссиденты выдержки 1968 года. На самом деле я слабо изъясняюсь на чешском. Я упоминаю об этих ночных путешествиях в регионы других языков потому, что сны открывают

нам доступ к механизмам сотворения культуры — механизмам, которые, судя по всему, особенно сильно влияют на трансязычных сочинителей, заблудившихся в заколдованных лабиринтах изгнания.

Вернемся к моему трансязычному литературному младенчеству. Лето 1987-го, которое мой двадцатилетний предшественник-беженец провел в Италии, дало материал для написания по-английски книги *Waiting for America* (русскоязычный вариант «В ожидании Америки»), в которой открытия новых миров — и новых словесных измерений — взвешиваются на ржавых весах ностальгии. За ней последовали книги рассказов и новелл *Yom Kippur in Amsterdam* и *A Russian Immigrant*, а также мемуарная книга *Leaving Russia*, изначально сочиненная на английском языке и позднее обретшая вторую, русскоязычную жизнь под названием «Бегство». И вот теперь перед вами русскоязычный вариант уже изданной на английском языке книги *Immigrant Baggage*. Почти четыре десятилетия спустя, я чувствую себя

уже не таким чужестранцем среди американских литераторов, хоть и продолжаю испытывать радости чудной речи «на языках».

Жизнь иммигранта всегда, неизбежно — и личный опыт освобождения от бремени прошлого, и история пересечения рубежей. Рубежи — это не только границы языков, культур и государств, но и невидимые пределы. Попытки их пересечь порой радуют и очаровывают странствующих и путешествующих, а порой становятся источниками разочарования, боли и даже «гибели всерьёз» — как у Пастернака или Арагона.

Эта книга трансязычных приключений и похождений, сочиненная во времена пандемий и войн, стала частичной записью моих иммигрантских открытий и ошибок. Это книга двойного прощания с давно утерянным или так и не приобретенным.

М.Д.Ш.

2021-2022; 2024

*Честнат Хилл – Саут Чэттем,
штат Массачуссетс*

